

Маша Пармёнова

“Как синтезировать хламидию.”
Пьеса, небольшая.

Она одна. Репетирует. Ходит по комнате.

Она. Да, я согласна! Нет, не так. Я согласна стать твоей женой! Нет, тоже какой-то бред. Да, да! Какое нахер да, да? Ладно, разберусь.

Раздается хлопок двери. Она кого-то встречает. Ей делают предложение, и она неожиданно сама для себя говорит нет. Поспешно начинает объясняться.

Она. Когда мне было 8 лет, я впервые увидела своего папу и это одно из самых счастливых воспоминаний моей жизни. Если бы я хотела на что-то пожаловаться - то точно не на это. Многие вообще не видели своих отцов, или видели, но предпочли бы, чтобы этого не произошло.

А я увидела папу. Он приехал. Он был потный и сонный, от него плохо пахло, мама его поцеловала, и мне было странно, потому что я до этого никогда не видела, как мама кого-то целует. И потом - тоже. Чем старше я становилась - тем грустнее мне было до этого. Папа лёг спать, вернее легла спать я, а когда ложишься спать день ведь считай заканчивается, правда? И я думала о том, что завтра - сдвоенная математика, и как же это не сочетается с тем, что ко мне приехал папа.

На следующий день я рано встала, а папа спал, и того с утра спящим мне он понравился намного больше, чем вечером - потому что он спокойно лежал и можно было подробно его рассмотреть. Я смотрела на глаза - потому что все мамы подружки говорили, что глаза у меня “такие же пронзительно-бездонные, как у моего отца”, а мама на них шикала и говорила, что у папы были самые обычные глаза и хватит пудрить мне мозги, но потом по ее взгляду я видела, что она на самом деле считает глаза моего папы совсем не обычными. Но тогда глаза у него были закрыты и сложно было сказать, бездонные они или нет. Тем более, что слово бездонные я очень

плохо понимала - бездонность это наверное категория, слабо доступная человеческому уму, потому что я до сих пор не до конца понимаю, что это значит.

Я вообще много чего не понимаю - я не понимаю, почему моя мама никогда больше никого не целовала и почему папа любил спрашивать меня о том, какой континент мой любимый. Я знала только Африку и Австралию, но в Австралии змеи, и поэтому я говорила Африка.

Когда я вернулась после того дня сдвоенной математики, к папе пришли друзья. Один был высокий и худой, а другой очень громко играл на гитаре. Так весело у нас дома, наверное, никогда не было - мне кажется я тогда и поняла, что значит весело. Представляется, за сутки узнать своего папу и что такое весело.

Друзья как-то представились и спросили, чем я занимаюсь. А я занималась баяном. Папа этого не знал, очень обрадовался и сразу предложил тост - за юную баянистку. Мне понравился этот тост - впервые взрослые пили за меня. Тогда мой папа спросил меня, что я о нём знаю. Я сказала о его "пронзительно-бездонных глазах", мама смутилась, а папа ее поцеловал, потом все очень долго хохотали. Потом папа сказал, что тоже играет на баяне и сказал, что сейчас научит меня мелодии, которая запомнится мне на всю жизнь. "Еще бы" - думала я - "все происходящее сегодня обязательно запомнится мне на всю жизнь". И смотри, правда ведь я всё помню.

И он стал играть.

И потом стала играть я, и у меня получалось. И мне все аплодировали. Тоже впервые.

В общем из музыкалки я ушла через два месяца, потому что на концерте хотела играть мелодию, которой меня научил папа, а преподаватели мне не разрешили. Тогда я ушла и никому ничего не сказала, а потом родители пришли на концерт, а меня там не было. Они вернулись домой, и я стала объяснять, что произошло.

"Ну-ка, сыграй, раз она тебе так нравится" - сказал мне папа. Я стала играть, и в середине у меня из онемели пальцы - так мне было стыдно

перед родителями, особенно перед папой. “Фальшиво, ну уж и не научишься нормально теперь” - папа процедил это и вышел из комнаты. А я стала играть и играть по кругу эту мелодию. Я хотела сыграть хорошо назло всем - назло папе, назло музыкалке, назло маме, которая вышла вслед за папой и в соседней комнате убеждала его в том, что я вообще-то, в принципе ничего.

У меня была подружка, Анька. Анька ходила со мной в музыкалку и сказала, что рада тому, что я ушла - теперь она точно будет побеждать во всех конкурсах, потому что баянисток у нас в музыкалке было двое. Я решила, что мне не жалко для Аньки этого первого места, потому что Анька всё равно не знает красивую мелодию, которую знаю я.

Потом мы с Анькой немножко выросли и стали ходить по заброшкам и пить там одно пиво на двоих. Я знала, что по заброшкам ходить нельзя, что это опасно. Я вообще очень часто что-то знаю и мне это не помогает и не останавливает. Понимаешь, вот в день, когда мы с тобой пошли первый раз на свидание, я знала, что это всё какой-то идиотизм. А разгребать приходится сейчас...

Но на заброшке, кстати, тогда ничего не случилось. Я возвращалась с неё и думала, что дома обязательно поймут, что я была на заброшке. Не знаю, как, ты когда маленькая, ты взрослым что-то такое сверхъестественное приписываешь просто потому, что они взрослые. Я вернулась, а мама готовила ревеневый пирог. Я очень обрадовалась и подумала, что если б она знала, что я была на заброшке, то точно бы не готовила ревеневый пирог. Потом я испугалась - ну, вдруг она сначала поставила в духовку ревеневый пирог, а потом узнала и решила доготовить и мне не давать? Я аккуратно зашла на кухню. У мамы были напряжены и куда-то растянута все мышцы лица. “Неужели все-таки знает” - подумала я. “Привет” - сказала я ей. Мама ответила, достала пирог из духовки, стала очень ровно резать пирог. “А где папа?” - решила узнать я. Как минимум, потому что без него вроде как-то некрасиво начинать, а пирог скоро остынет. “А папа ушел” - сказала мне мама. Я кивнула. “То есть пирог можно есть?” - решила узнать я, чтобы заполнить паузу. Мама улыбнулась и сказала, что можно. Она спросила меня, где я была. Я сказала, что была на заброшке. Она кивнула и спросила, что я там делала. Я сказала, что пила пиво. Она снова кивнула.

Знаешь, о чем я потом очень много раз думала? Я ведь так и не знаю, что тогда произошло, пока меня не было дома. И когда я пыталась понять, я разгадывала, поставила мама пирог до того, как узнала про папу, или после. Потому что это ведь тогда два разных пирога и две разных истории.

Самое удивительное в исчезновении людей — это то, что пирог, который ты поставил до их ухода, обязательно доготовится, а вещи, которые они поставили сушиться перед тем, как тебя бросить, досушатся. Люди не только оставляют после себя вещи, но и запускают какие-то процессы, которые, в отличие от них самих, имеют продолжение в твоей жизни.

Потом мама попросила меня сыграть что-нибудь веселое. Она, бедная, не знала, что кроме папиной мелодии я ничего не помню. Я принесла баян и стала играть. Я играла так чисто и хорошо, как не играла никогда. Мама вышла из комнаты, а я всё равно доиграла. Мне казалось, что я не могу по-другому, хотя мне было страшно ее жалко. Я еще не знала тогда, что больше я никогда не увижу, как она кого-то целует. Я увижу, как ее кто-то целует, но это ведь совсем другое, согласен?

Знаешь, я потом узнала про эффект бабочки. Что если в одном месте что-то меняется- самое мелкое и незначительное — это обязательно найдет отражение и последствие в будущем. И я долго думала, что это касается напрямую моего похода на заброшку - ничего плохого не случилось там, но всё плохое случилось после. Потом я узнала про карму и это оказалось опасной информацией для 14-летней девочки. Я думала, что я виновата во всём.

Я знаю, что всё это тебе рассказывала по-отдельности, но никогда не вместе. Понимаешь, я надеялась, что у тебя сложится какой-то пазл. Но если ты сейчас предложил мне то, что предложил, значит он не сложился. Извини. Теперь дальше.

В 17 лет я съехала к Коле. Коля занимался биологией и ставил эксперименты на своём хомячке - пытался научить его бегать с максимальной скоростью. Хомячок в основном хотел лежать и есть, я ему сочувствовала и втайне его раскармливала, а потом Коля удивлялся и не понимал, почему хомячок бегаёт медленнее и

медленнее. Коля жил один, потому что уже закончил институт и снимал квартиру на грант, который ему дали на написание научной работы о хомячках. Мне очень нравилось жить в квартире, аренду которой обеспечивают хомячки.

К Коле я переехала очень просто. Совсем просто. Однажды вечером он провожал меня до дома - мы тогда еще просто дружили, хотя я, конечно, знала, что нравлюсь ему, и знала, что он может понравиться мне. Мы дошли до дома, и он попросил показать, где окно моей комнаты. Я показала. Он придвинулся ближе и спросил, что это такое громоздкое стоит у меня на подоконнике. Я обиделась и сказала, что громоздкий здесь только он, а это баян. Он прошептал, что о всё бы сейчас отдал, чтоб я ему сыграла. Я сказала, что дома спит мама и я ее разбужу (хотя мама тогда была у подруги), и что я хочу есть, а на голодный желудок я не играю (хотя дома у меня был полный холодильник еды). Он спросил, сыграю ли я для него, если он позовет меня в гости и накормит. Я сказала - смотря чем. Он сказал, что у него есть хлеб и колбаса и их хватит на 2 или даже 3 бутерброда для меня. "Я подумаю" - сказала я так, как будто бы не обожала бутерброды с колбасой. Я медленно поднималась за баяном и думала о том, что точно не буду с ним спать, потому что на мне дурацкое белье, а красивое в стирке, а грязное еще хуже, чем дурацкое, поэтому я просто не буду. Ты когда-нибудь видел на мне некрасивое белье? Вот! А он видел.

Я спустилась с баяном и сказала, что он его понесет. Он привел меня к себе - я тогда впервые увидела хомячка и сразу его. А, да, я все-таки с ним переспала. Сначала я съела те полтора бутерброда, на которые хватило колбасы. Потом случайно разлила на себя чай без сахара, потому что сахара не было, разделась и развесила вещи над хомячком - больше было негде. Коля смутился и предложил мне лечь спать. Я сказала, что еще не сыграла. Он еще больше смутился и сказал, что думал, я не могу играть без одежды. Это он так подумал, наверное, потому, что он не мог меня слушать, когда я была без одежды. Я усмехнулась и стала играть папину мелодию. В какой-то момент мне стало очень обидно от того, что передо мной сидит человек, который абсолютно не вслушивается в мелодию, которую я так люблю. Тогда посередине мелодии я встала и поцеловала его, а затем переспала с ним просто потому, что мне было слишком неприятно для него играть. Спать с ним было приятнее. Сколько бы

он меня не просил потом, я никогда для него не играла. Только один раз...

А, переезд? Ну так я проснулась утром, увидела хомячка, потом Колю и спросила, можно ли я заберу хомячка с собой. Он сказал нет. "Тогда придется жить здесь" - сказала я, собрала вещи и переехала к Коле. Баян он уже перетащил ночью, а остальное оказалось легче. "Не так уж много у меня вещей" - думала я, затаскивая чемодан в Колину квартиру. Коли не должно было быть дома до вечера, и я снова села за баян, чтобы доиграть мелодию с прошлой ночи - меня страшно раздражало, что она не была доиграна. Я села напротив хомячка, предварительно скормив ему последний кусок булки в Колином шкафу, и стала играть. Когда мне оставалось всего несколько аккордов, я услышала звук ключей в замочной скважине. Я быстро оставила баян и разделась. Коля спросил, всегда ли я планирую ходить голой по его квартире. Я сказала, что это самое интересное, чем тут можно заняться. Он поник и сказал, что принес хлеб и колбасу. Я попросила сделать его бутерброды и сказала, что мне очень нравится его хомяк. "Как я?" - спросил он, режа колбасу. Я сказала ему, чтоб он не задавал мне дурацких вопросов и само собой, хомяк нравится мне гораздо больше. Я сказала, что хомяки были созданы так, что не имеют никаких недостатков. Он вручил мне бутерброд с колбасой и спросил, какие в нем - Коле - я вижу недостатки. Вопрос был настолько идиотский, что я снова его поцеловала, лишь бы не продолжать дурацкий разговор. В этот раз мне даже понравилось. По-настоящему. А потом я надкусила бутерброд и поняла, что он вкуснее вчерашнего. Так я решила, что люблю Колю.

Что было потом? А потом я действительно стала его любить. Спустя какое-то время. Я только закончила школу, и мне нужно было куда-то поступать. Моим единственным талантом было пародировать Ренату Литвинову, хотя сейчас мне кажется, что я классно рисовала, тогда я об этом не знала. Летней ночью мы сидели с ним, свесив ноги с окна и он мне рассказывал про свои опыты - как он синтезировал хламидию на третьем курсе и как ему дали за это первое место в студенческом конкурсе. И тут вдруг я ловлю себя на мысли - а как можно заниматься в мире чем-то, кроме того, чтобы синтезировать хламидию?

“Дура” - сказала мне Анька - тогда уже квалифицированный парикмахер-стилист, когда мы пили пиво вскоре после этого. “Всё в мире интереснее, чем синтезировать хламидию”. Но было поздно - пивом мы отмечали моё блестящее поступление на биофак. Знаешь, теперь я с ней согласна.

Потом я правда бросила биофак. Случилось это очень легко и просто, в один день. У Коли был день рождения - ему исполнялось 23, а он всегда говорил, что Павлов к 23 уже всего добился, а если не добьётся он, то он, получается, хуже Павлова и это никуда не годится. Тогда я распечатала огромный портрет Павлова, позвала Колю во двор рано утром, подожгла портрет и сказала, что мы сжигаем все его страхи в день рождения и теперь неважно, чего добился Павлов к 23 - Коле 23 и он может перестать об этом наконец думать. Коля страшно обиделся на меня и ушел. Я смотрела в одиночестве на то, как горит портрет и думала о том, что если бы досмотрел Коля, то всё что нужно правда бы ушло от него с этим портретом. И потом я досмотрела, а вечером к нему пришли друзья. Было скучно, из весёлого были блинчики с малиной, которые передала его мама, и хомячок, которому я связала специальный праздничный костюмчик. Коля говорил, что в костюмчике ему тяжело бегать и поэтому его эксперимент не удаётся. Он сказал, что такими темпами его лишат гранта на опыты над хомячком и ему придется где-то искать деньги. Он говорил это своему другу, который к нему пришел тогда - друг ставил опыты над мышью, и я считала, что в этом смысле Коле повезло намного больше. Еще он говорил, что он готов позволить хомячку носить этот костюм, потому что очень меня любит. И тут я как-то резко и явственно поняла, что мы всегда будем хотеть от хомячка разных вещей - я хотела его развлекать и баловать, а он хотел его изучать. И мне показалось, что это критично. Мне до сих пор так кажется.

Мы пили белое вино, друзья Коли говорили какие-то тосты, я подарила ему проектор, который высвечивает звезды на потолок. Он его сразу включил, и я подумала, что у него нет вкуса, если он включает его, пока светло. Впрочем, я и до этого знала.

Потом кто-то спросил, как я сдала сессию. Я сказала, что на отлично, а потом подумала, что если колины друзья задают такие же дурацкие вопросы, как он, то легче, наверное, застрелиться. Кто-то другой

спросил, почему у нас стоит баян. “Это прикрытие, в чехле мефедрон” - сказала я. Все ахнули. Я подумала, что не только вопросы, но и реакции у них удивительно идиотские. Я разозлилась и подумала, что, если бы хомяк умел говорить, он бы сказал что-то язвительное и поддержал меня. Но почему-то те, кто умеют говорить, всегда используют это умение во вред. А те, кому стоило бы говорить, не умеют. “Она шутит” - сказал Коля. “Она чудесно играет. Сыграй нам что-нибудь.” Я поняла, что это последняя его просьба, которую я могу исполнить, а сегодня ему 23, как Павлову на пике, и решила сыграть из уважения к этим обстоятельствам и бутербродам с колбасой, которыми он исправно кормил меня все эти месяцы. Я взяла баян и села на стул, который заботливо пододвинул мне протезе Павлова. Потом я поняла, что я сейчас буду играть, но он настолько не будет слушать, что даже не поймет, что это в последний раз. Тогда я встала и прошептала ему это на ухо. И заиграла. В середине он стал понимать, что я не шутила, а к концу вышел из комнаты. Я перестала играть в момент, когда он вышел - я играла только для него и прощалась с ним, а он попрощался со мной раньше.

Я сидела с баяном и чемоданом в сквере у его дома и ела блинчик с малиной, который захватила из его квартиры. Я думала очень страшную мысль - всю жизнь я считала, что нет ничего сильнее любви, но моя скука оказалась сильнее и ярче. Блинчики с малиной были колоритнее, чем весь вечер.

В мою сторону шла его мама. Я быстро принялась дожевывать - мне было не стыдно, что я бросила его, но мне было стыдно после этого есть блины его мамы.

Я видела ее до этого один раз - он приводил меня к ней, в соседний подъезд, потому что ей нужна была помощь с тем, чтобы поклеить обои. Она тогда встретила нас нерадостно и сказала, что чем дальше, тем красивее у Коли девушки, и следующая, наверное, будет совсем неземной красоты. Я аккуратно уточнила у нее, рассматривает ли она вариант того, что следующей не будет - что дальше буду только я. Коля тогда вышел из комнаты за веником - надо было подмести перед тем, как клеить обои, вернее не надо было, но он так решил. В ответ на мой вопрос мама Коли очень добродушно мне улыбнулась и переадресовала вопрос мне - верю ли я сама в такую возможность? Я смутилась, и она спросила, почему же я так замешкалась. И потом

сказала, что я могу не отвечать на этот вопрос, и что, когда мы расстанемся, мне надо будет выпить настойку из лопуха. Я не стала спрашивать зачем, потому что вернулся Коля и мне пришлось усиленно убеждать себя в том, что этот совет мне не понадобится.

“У тебя малина на щеке” - улыбнувшись, сказала мне она, когда подошла, я неловко вытерла щеку. “А губы синие. Ты замёрзла?”. “Я ушла” - сказала я. “Давно пора” - ответила она. “Хочешь еще блинов?”. Я должна была сказать нет, но почему-то раньше, чем я смогла это сделать, мы уже шли к ней - она жила в соседнем от него подъезде.

Малина в микроволновке пенилась, и я ощущала себя на редкость бессовестной и на редкость везучей - всё лишнее ушло из этого вечера и остались малиновые блины. Ты знаешь, я всё время упоминаю еду, потому что о чувствах говорить очень сложно и глупо, а про блины, мне кажется, понятнее и в общем-то то же самое, только другими словами.

Мама Коли спросила меня, чем я сейчас занимаюсь. Я сказала, что еще вчера училась на биофаке, а сегодня уже ничего не знаю. Я сказала, что мне кажется, что я схожу с ума. Я сказала, что не делаю ничего хорошего или правильного. Она спросила, почему я не вернусь к маме. Я сказала, что не умею возвращаться. Что мне невыносимо скучно от прошлого и с каждым изменением кажется, что прошлое ничем не отличается от будущего. И я люблю маму, и мне страшно, что человек, которого я люблю, часть этого скучного мира. И мне больно. Она спросила, когда мне в последний раз по-настоящему было хорошо, налила нам коньяка и попросила что-то сыграть в честь дня рождения ее сына. А я поняла, что играю последний раз за сегодняшний день и последний раз вообще. Я выпила коньяку и сыграла. Она плакала, и я плакала тоже. Мама Коли оказалась лучше, чем я о ней думала. А я никак о ней до этого не думала, я ее боялась. Боялась того, что она всё понимает и что только она догадывается, как мне скучно.

А потом она рассказала мне, как Коля все детство каждый вечер расставлял ботинки в прихожей в одну линию и ругал ее, если они были разбросаны. Мы почему-то очень смеялись, и мне показалось, что я вечность не была дома.

Я пришла домой очень пьяная, очень сытая блинами и с несколькими порциями с собой. Я сказала маме, что мы продадим баян и прокутим с ней эти деньги. Я сказала, что отчисляюсь с биофака, где я лучшая на курсе. Я сказала, что я очень скучала. Я сказала, что в жизни планирую исключительно пародировать Ренату Литвинову и зарабатывать много денег, необязательно много зарабатывать, но обязательно много тратить. Я угостила ее блинами с малиной. Я сказала, что жизнь началась сегодня. Мы пели и радовались. Она плакала. Она попросила, чтоб я больше никогда не играла на баяне папину мелодию. Я спросила, скучает ли она по папе. Я сказала, я тоже. Я сказала, что зря бросила рисовать и тем более - пародировать Ренату Литвинову.

А на следующий день, собираясь в деканат - отнести заявление, я увидела, как под окном меня ждешь ты. Ты был на том дне рождения, задавал какие-то дурацкие вопросы, и ты зачем-то меня пожалел. Дурак, господи, это был, может быть, один из немногих моментов моей жизни, когда этого попросту не надо было делать. Я уже настаивала настойку из лопуха и впервые мне казалось, что я знаю, как правильно. Анька уже ждала меня на стрижку. А я поддалась на это, не понимая, что с тобой я вернусь в университет, стану приличным человеком, буду расставлять ботинки в ряд и учить языки. Ты провёл тогда рукой по моим волосам и сказал, что девушка с такими локонами не может не состояться в жизни. Господи, а я почему-то согласилась с этим, хотя от всего этого мне тоже было очень скучно, согласилась и отменила стрижку.

И это всё чудесно и правильно звучит, но я...Я за тебя не выйду. Потому что у меня в жизни был один очень хороший вечер, когда приходил папа со своими бездонными глазами и его смешные друзья, и я играла на баяне и мне было от этого хорошо и теперь я знаю, что такое отсутствие скуки, и знаю, как выглядит скука - она всегда права.

Я не хочу быть права. И я не хочу, чтобы это тебя раздражало - а тебя, признайся, это уже раздражает.

Дверь хлопает.

Она. Баян я, кстати, так и не продала. Хотя он - мой без пяти минут жених - сказал, что это очень хорошая инвестиция. Дурак. Но я

выучила новую мелодию - и она, как выяснилось, нравится мне
намного больше.

Играет.